

Государству нынче не до искусства и уж тем более не до исторической живописи, требующей слишком серьезных затрат и вложений. Да и кого сейчас, по совести говоря, в наше-то беспокойное и суетливое время заинтересуют дела «давно минувших дней»? И все-таки есть, есть и сегодня прекрасные живописцы, энтузиасты, работающие в этом труднейшем жанре. И среди них молодой московский художник - **Дмитрий БЕЛЮКИН**.

- Вас можно считать историческим живописцем. Скажите, пожалуйста, чем вызван этот интерес к истории?

- Во-первых, история для меня не самоцель. Я ишу в истории те события, эпохи и настроения, которые созвучны нашим временам, - изображая их, я как бы перекидываю мостик из прошлого в настоящее, я побуждаю зрителя, вглядываясь в картины минувшего, задумываться о настоящем.

- Когда я назвала вас историческим живописцем, то упомянула, что в ряду ваших исторических картин имеются и исключения. И вот одним из таких исключений является ваш графический цикл, точнее серия портретов под названием «Раны Афганистана», наделавшая в свое время достаточно шума, за которую вы получили звание лауреата и премию Ленинского комсомола. Расскажите, пожалуйста, с чем была связана работа над этим циклом? Почему вы обратились именно к этой теме?

- Это как раз тот случай, когда не я искал тему, а тема сама нашла меня. Дело в том, что после окончания Суриковского института меня, как и всех, призвали в армию. В армии все шло как обычно, своим чередом: учения, строевая подготовка, режим и т.д. до тех пор, пока я не получил небольшую травму. После этого меня отослали на лечение в Московский госпиталь им. Бурденко, и вот тут-то впервые я увидел наших несчастных ребят: искалеченных, со страшными ранениями, привезенных сюда из Афганистана. Честно говоря, я был потрясен. Одно дело - читать об этих ужасах в газетах, и совсем другое - видеть живьем. Особенно страшным было отделение гнойной хирургии, куда привозили солдат в исключительно тяжелых случаях. Здесь я познакомился со многими ребятами, старался их подбодрить, развеселить, рассказывал им об искусстве, о художниках, о своей работе. Со многими из них я подружился и помню их до сих пор. Помню и то, как страшно и трогательно было глядеть и на других позировавших мне ослепших ребят, которым подносили рисунки близко к глазам, пытаясь угадать и почувствовать, похожи они или нет. Зачем я рисовал их? Не знаю. Я чувствовал боль, сострадание, ужас, и мне хотелось выплеснуть все это на бумагу, рассказать всему свету о том, как это страшно - война.

- Еще учась в институте, вы написали замечательную вещь: «Смерть Пушкина». Это ваша дипломная работа, и я знаю, что в свое время она произвела очень сильное впечатление не только в стенах Суриковского института, но и далеко за его пределами. За нее вас наградили Серебряной медалью Министерства культуры СССР. Расскажите о работе над этой картиной и о том, как вы пришли к пушкинской теме?

- Наверное, было бы излишним говорить, что Пушкина я люблю с детства и что он - один из самых моих любимых поэтов, это понятно само собой. Что же касается темы Пушкина в живописи, то я пробовал заниматься ею еще в школе и на первых курсах института. Однако, пожалуй, главным толчком для работы над этой темой послужило мое посещение последней квартиры Пушкина на Мойке. Это было незабываемо. Я был там еще до реставрации, когда все в этой квартире дышало подлинностью,



Художник в своей мастерской

Белая Россия. Исход...

В жанре исторической живописи сегодня работают только энтузиасты

воздухом Пушкина, когда во всем еще чувствовалось его незримое присутствие. И эта особая атмосфера рождала ощущение прикосновения к тайне его жизни и смерти. Я вдруг с особенной ясностью прочувствовал все то, о чем раньше читал только в воспоминаниях современников. И мне захотелось выразить эти новые для меня впечатления - в картине.

- Совершенно верно. На выставке одной картины, которая проходила осенью прошлого года, я показывал к ней двести этюдов. Я много ездил по стране, посещал монастыри и места поселения казаков в поисках нужных мне типажей. Идея картины была почти та же самая, что и у Корина, - показать Русь уходящую ту Русь, которую погубила революция, вышвырнув ее за пределы страны.

Вообще все мои картины предназначены для очень внимательного и детального прочтения, мне всегда хотелось, чтобы зритель не только охватывал всю картину целиком, с одного раза, но и вникал во все ее мельчайшие подробности. Что касается композиции «Белой России», я специально построил ее таким



Портреты из серии «Раны Афганистана»

Я очень долго к ней подступался. Ездил в Питер и Михайловское, перерывал архивы и рылся в старых документах, просиживал месяцами в библиотеках и музейных фондах. Мне было необходимо, чтобы все в моей картине - от фасона платья Натальи Николаевны и подшпек под голову Пушкина и до чепца на голове старой нянюшки и коврика в ее руках - было абсолютно достоверно.

- Наверное, тот же самый принцип вы применяли и при работе над самым крупным и значительным вашим полотном «Белая Россия. Исход»?



образом, чтобы взгляд зрителя шел от центра картины к периферии по кругу, по спирали, постепенно вливаясь в себя лицо каждого персонажа, каждую, даже самую незначительную деталь. И я знаю случаи, когда на выставке одной картины многие зрители простаивали перед ней буквально часами, погружаясь в нее, как в роман.

Лилия БАЙРАМОВА